

18+

Международный
писательский проект
ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД

Поезд в Прагу

Сборник рассказов

Майя Дмитриева

Татьяна Парамонова

Зульфия Штрак

Ирина Ака

Мargarита Дмитриева

Татьяна Мещерякова

Ната Элеотт

Айгуль Галиакберова

Лилия Богуцкая

Мария Лисс

Дарья Хоботкова

Дина Ро

Ирина Шлапак

Светлана Хо

Екатерина Казанкова

Анна Голованова

**Айгуль Галиакберова
Анна Голованова
Дарья Хоботкова
Дина Ро
Екатерина Казанкова
Зульфия Штрак
Ирина Ака
Ирина Шлапак
Лилия Богуцкая
Майя Дмитриева
Маргарита Дмитриева
Мария Лисс
Ната Элеотт
Светлана Хо
Татьяна Мещерякова
Татьяна Парамонова
Поезд в Прагу**

Аннотация

Путешествие — важная часть жизни; иногда она выходит за рамки географии. В новом сборнике о Праге писатели отправляются в творческое странствие: каждая история — это отдельный билет на рейс самопознания. Мчащийся поезд становится метафорой поиска — герои ищут ответы на важные вопросы, принимают решения, учатся слушать мир и себя. Авторы ведут читателя от отправной точки до конечной станции, подчеркивая: ценность пути — не в цели, а в том, как мы меняемся по дороге.

Содержание

Татьяна Мещерякова. ПИСЬМА ИЗ ПРАГИ	7
Майя Дмитриева. НАБЛЮДАТЕЛЬ	24
Дарья Хоботкова. МАГНОЛИЯ В ЦВЕТУ	36
Мария Лисс. ŠERNÝ ÚMYSLY	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Поезд в Прагу

Авторы: Дмитриева Майя, Хоботкова Дарья, Лисс Мария, Штрак Зульфия, Элеотт Ната, Ака Ирина, Галиакберова Айгуль, Шлапак Ирина, Богущкая Лилия, Дмитриева Маргарита, Парамонова Татьяна, Голованова Анна, Хо Светлана, Казанкова Екатерина, Ро Дина, Мещерякова Татьяна

Редактор Светлана Дмитриева

Редактор Татьяна Парамонова

Редактор Светлана Громович

Редактор Алена Стимитс

Редактор Ксения Орлова

Редактор Яна Рой

Редактор Майя Дмитриева

Дизайнер обложки Ольга Парамонова

Корректор Светлана Громович

© Майя Дмитриева, 2026

© Дарья Хоботкова, 2026

© Мария Лисс, 2026

© Зульфия Штрак, 2026

© Ната Элеотт, 2026

© Ирина Ака, 2026

© Айгуль Галиакберова, 2026

© Ирина Шлапак, 2026

© Лилия Богуцкая, 2026

© Маргарита Дмитриева, 2026

© Татьяна Парамонова, 2026

© Анна Голованова, 2026

© Светлана Хо, 2026

© Екатерина Казанкова, 2026

© Дина Ро, 2026

© Татьяна Мещерякова, 2026

© Ольга Парамонова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-9165-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Татьяна Мещерякова.

ПИСЬМА ИЗ ПРАГИ

Привет. Меня зовут Марина, мне тридцать один год. Я еду в город, мысли о котором не покидают меня последние десять лет. Точнее — девять лет, восемь месяцев и двадцать четыре дня.

Я помню день и даже час, когда мне подарили этот город. Мой двадцать первый день рождения! Тогда было много цветов, подарков: золотые серьги, французские духи, путевка в Сочи... Все смешалось в одно общее, приятное, хоть и давно забытое ощущение.

Но был еще один подарок. Нет, не подарок даже, а целая Вселенная, и ее мне подарила бабушка. Дождавшись окончания череды шумных тостов и поздравлений, она взяла мои ладони в свои теплые руки и вложила в них простой крафтовый пакет. В нем я обнаружила несколько пожелтевших писем и открытку с изображением величественного моста на фоне красных черепичных крыш.

У той Вселенной было имя — и было это имя Прага.

И вот теперь я еду на встречу с городом. Поезд, который мчится сквозь страны, ночи и границы, имеет почти мистический номер — 021Я. Когда я отошла от кассы на Белорусском вокзале и взглянула на билет, чтобы проверить данные,

меня будто пронзило: двадцать один — возраст, в который бабушка открыла мне тайну, и буква «Я»...

Я девушка «слегка за тридцать» — возраст, когда у других уже все как по ранжиру: ипотека, детские утренники, семейные фотографии у моря в июле. У меня — два красных диплома, аккуратно сложенных в коробку из-под обуви, пара возлюбленных, что растворились в воздухе, и работа, на которую каждое утро идешь как на каторгу.

Все чаще по вечерам в пустой комнате с молчащим телефоном ловлю себя на странной мысли, что живу я не своей жизнью. И на фоне глухой, почти физической пустоты — навязчивая, ритмичная, как движение ходиков, мысль: «Ты не там. Ты не там. Ты не там».

Ох, бабуля, «чародэйница» моя... Мне кажется, что ты знала и понимала гораздо больше, чем говорила вслух.

Последние два часа пути я не отрываю взгляда от наручных часов — считаю каждую минуту до того, как поезд остановится и я окажусь на перроне Praha hlavní nádraží¹.

Наконец поезд резко дернулся и замер. Я вздохнула, словно собиралась погрузиться на глубину, и вышла. Город меня не обманул: оказалось, он пахнет так, как мне мечталось, — камнем, дождем и немного медью... Подняв взгляд, я увидела башню вокзала, украшенную барельефами.

Двадцать женских лиц, с которыми я давно была знакома — изучала их по путеводителям и книгам. Сейчас они

¹ Praha hlavní nádraží — главный вокзал Праги (прим. автора).

выстроились в ряд, словно затихший на минуту хор, чтобы встретить меня. Одни казались добрыми и мягкими, другие — напряженными и сдержанными. Я стояла, всматриваясь в них, и думала: сколько голосов заключено в этих застывших чертах — чешских, немецких, венгерских, русских, польских. Голоса женских судеб. Вот уж воистину: Praga mater urbium — «Прага — мать городов».

Письмо Анны

Милая матушка, здравствуйте!

Живу я теперь на улице, что ведет к замку. Хозяева — люди строгие, но дети тянутся ко мне, зовут ruska teta. По вечерам хожу к мосту, мне нравится прикасаться к нагретым за день камням. Сердце тоскует по дому, по Вам и по моим милым сестрам. Я открываю для себя столько нового: наблюдаю за модами, за тем, как носят шляпы и платья в этом городе, и, кажется, я даже полюбила кофе. Чай здесь пьют только в русских семьях. Удивительно, как...

Я остановилась, прислонившись к холодному железу ограждения. Шум города оглушил меня, все вокруг казалось одновременно чужим и знакомым. Опустив руку в сумочку, я ощутила конверт с письмами и уверенно пошла вперед.

Перед глазами распахнулась Вацлавская площадь, длинная, как коридор в доме великанов. Люди шли сплошным потоком, разговаривали, смеялись, кто-то спешил, кто-то, как я, тянул за собой чемоданы на колесиках.

«Ох, Марина... Марина, — привычно строго отчитала я себя. — Могла бы оставить чемодан в камере хранения».

Но сердце звало меня вперед. Вспышки витринных огней, реклама, запахи парфюма из магазинов — все это напоминало десятки других европейских городов. Но стоило дойти до улицы Můstek, как город изменил свой характер. Казалось, я переступила какой-то невидимый рубеж: современность растворилась, и воздух стал иным — плотнее и гуще.

Здесь улицы прижимались друг к другу, как страницы старой книги. «Вот она, машина времени, — подумала я, — без рычагов, колес и сложных механизмов».

В это мгновение город будто подхватил меня и увлек вглубь улочки Melantrichova, которая все сужалась и сужалась, подобно трубе времени, чтобы провести под аркой и раскрыть передо мной залитую солнцем Староместскую площадь, словно сцену в театре. «Смотри! Запоминай! Это во-все не сон — вот башни Тынского храма, вот там, правее, памятник Яну Гусу...»

Но, следуя за потоком туристов, я свернула налево и пошла по Карловой улице. До всемирно известного моста, изображенного на той открытке, я так и не дошла. Мой взгляд зацепился за старые ворота в стене и выбитый над ними герб. Прохожий, перед носом которого я резко остановилась, обходя мой громоздкий чемодан, небрежно бросил: «Klementinum²». Вероятно, мое любопытство и недоумение

² Klementinum — Национальная библиотека Чешской Республики (в переводе

не ускользнуло от меткого глаза пражанина.

2011 год

— Ты ведь думаешь, — сказала бабушка Лида, осторожно поправляя на коленях шерстяной плед, — что мы родом отсюда, из Подмосковья? Нет. У каждой семьи, милая, если покопаться, могут обнаружиться разные корни, иногда потаенные. Мои — пражские.

Она замолчала, будто сама испугалась сказанного, и только спустя минуту продолжила:

— Моя мать, твоя прабабушка Анна, была девушкой неглупой и смелой. Вышла она из семьи небогатой, но грамотной. Когда ей было десять, отца, обходчика на железной дороге, случайно сбил поезд. В утешение сиротскому положению Анне даровали место воспитанницы в Смольном институте.

Закончила она его с отличием и по доброму совету учительницы немецкого аккурат перед началом войны — той, первой, — поехала в Прагу гувернанткой. Молодая, зеленая — ей хотелось все: видеть, слышать, узнавать. А Прага тогда была словно ярмарка миров: немецкая речь соседствовала с чешской, встречались венгерские студенты, итальянские мастера, русская интеллигенция...

Я замороженно смотрела на бабушку, боясь перебить ее рассказ: голос вдруг обрел непривычную интонацию — та-

кую, с какой, вероятно, общались герои из книг русских классиков.

— Там, в двадцать первом, Анна встретила моего отца — Петра, сына белых эмигрантов, бежавших из России после революции. Он учился в Карловом университете по программе Масарика. Молодой, гордый. Говорила: «Увидела его глаза и утонула...» Он читал ей вслух стихи, учил произносить слова на чешском... Я мало знаю — мать никогда не рассказывала мне всего, так, иногда по случаю вырвется неосторожное слово... Вот только письма эти остались. Точнее, обрывки, которые я и не чаяла сохранить.

Я провела пальцем по корешкам книг — тусклые, выцветшие, с желтыми и красными ярлычками. Библиотека пахла старой бумагой и чем-то чуть сладковатым — будто сушеными яблоками.

— Вам что-то конкретное? — спросила из-за стойки строгая на вид женщина, ее круглые очки поблескивали в свете лампы.

Я замялась. Как объяснить, что я ищу? Если я сама этого не знаю... да еще и на английском.

— У меня... фамилия, — сказала я. — Может быть, можно поискать запись... Женщина переехала сюда почти сто лет назад.

Библиотекарша вскинула брови. Но вместо того чтобы отмахнуться, протянула мне бумажку:

— Пишите.

Прочитав, помолчала, щелкнула шариковой ручкой и сказала:

— Знаете, женщины умеют путать следы. Но если искать, то можно найти. Это близкий вам человек?

— Да. — И я впервые за долгое время улыбнулась.

— Попробуйте посмотреть в городских адресных книгах, там записывали даже вдов и прачек. А еще лучше — езжайте в Chodov³, спросите там метрики Успенского храма.

Помолчав, она добавила:

— И на кладбище Olšany⁴. Там захоронено много наших...

Она произнесла последнее слово с чуть слышным нажимом, словно проверяя мою реакцию.

«Наших?» — переспросил мой взгляд.

Библиотекарша прищурилась:

— Ну да. Русских.

И от этого простого, будничного «наших» у меня перехватило горло: чужая страна вдруг перестала быть совсем чужой.

2011 год

³ Chodov — Национальный архив Чешской Республики в районе Ходов (прим. автора).

⁴ Olšanské hřbitovy — Ольшанское кладбище, где находится православная Успенская церковь. Рядом с ней похоронено много русских эмигрантов, военнослужащих Советской Армии и армии Власова (прим. автора).

Бабушка Лида долго молчала, потом, отдохнув, продолжила:

— А я... я родилась в Праге. В двадцать втором году. Но ты же понимаешь, что в Союзе с таким прошлым нельзя было светиться. Поэтому я всегда говорила, что мы из подмосковной деревни. А твой дедушка выправил мои документы — в послевоенной суматохе это было возможно.

— А мама, где родилась мама? — не выдержала я.

Я заметила, как бабушкины пальцы, когда-то тонкие и изящные, дрожали. Но она продолжала, будто боялась не успеть выговорить все, что скрывала десятилетиями:

— Мама твоя родилась уже здесь. К сорок пятому мне было двадцать три. Когда советские войска вошли в Прагу, переводчиков требовалось столько, что хватай хоть любого, кто знал бы с десяток-другой чешских или немецких фраз. Штатные уже сипели, задыхались от нагрузки. Так я и оказалась среди них.

— А Miku... то есть Николая я встретила чуть раньше... Мы с подругой, точнее она была больше známá⁵, чем přítelkyně⁶, — почему-то поправилась бабушка, — как сумасшедшие бегали в толпе, вместе со всеми ликовали и радовались освобождению.

— «Наздар!», «Ура!», «Браво!» — Она вдруг расцвела такой задорной девичьей улыбкой, что я не удержалась и улыб-

⁵ Známa — знакомая (в переводе с чеш. языка).

⁶ Přítelkyně — подруга (в переводе с чеш. языка).

нулась в ответ. — Все кричали, обнимались, плакали! Это было море людей, живое и горячее. Меня прижало к стене дома. Вдруг кто-то прямо над моей головой закричал: молодые чешские парни с восторгом стали сбивать немецкие вывески. Помню эти готические буквы, черные и острые, словно клюв хищной птицы, и как они угрожающе качнулись. Я даже не успела вскрикнуть — в тот же миг чья-то рука рванула меня в сторону.

«Осторожнее, Fräulein!»

Мужчина в шинели улыбался — уставший, небритый, он выпустил мою руку из своей...

«Не фройляйн, русская», — поправила я его.

«Тем более нельзя, чтобы на вас вывески падали», — ответил он и, повернувшись, ушел сквозь толпу дальше.

Николай... он стал мне очень близким. Ведь к этому времени я осталась совсем одна. Родители...

Она отвернулась к окну, и мне показалось, что ее глаза видят не осенний сад, а огни, отражающиеся во Влтаве.

— Я вернулась с ним в Союз, — тихо сказала она, — потому что любила. И потому что у меня не осталось, за что держаться там.

Письмо Анны

Матушка, здравствуйте!

Сегодня хозяйка меня хвалила: я научила малого Петрика русской считалке. Он теперь всем повторяет: «эне, бене,

раба — квинтер, финтер, жаба!» Смеху полон дом! А мне радостно, что среди чужих стен звучит мой язык. Думаю: может, останусь тут долъ...

Я брела по Вышеграду. Только в Праге я поняла истинный смысл слова «фланировать» — просто идти без цели, без выстроенного маршрута из точки «А» в точку «В». Вчера я вышла из библиотеки с листочком, где четким почерком было написано название архива, адрес, расписание приема.

Казалось бы, вот оно — достаточно сесть в трамвай, и все станет ясно. Но внутри поднялась волна, в ней бурно переплелись и радость, и страх. Что я найду там? А если ничего? А если слишком много?

Уже утром, сидя в ближайшей к гостинице кофейне, я в сотый раз всматривалась в карту города, словно надеялась, что путь сам сложится без моего участия. И вдруг — звон. Настоящие, живые, переливчатые волны меди. Я замерла: — Колокола?

«Да ну... не может быть. В католическом храме? — привычно возразила я себе, — это же только у нас, у православных...» И в ту же секунду поймала себя на глупой самоуверенности — захотелось тихонько постучать себя по лбу: вот так, Марина, вот тебе и твое «я все знаю».

И от этого неловкого открытия стало вдруг радостно. Оказывается, город умеет не только ошеломлять красотой, но и мягко наставлять: смотри внимательней, учись, не строй заранее примитивных схем.

Высочив из кафе, я уже знала, куда пойду, и пока это был не архив, а базилика Петра и Павла.

Хотелось бродить и бродить, выхватывать глазами все подряд — серые башни, сквозные арки, облупившуюся каменную кладку, за которую почему-то сразу хотелось ухватиться, как за старую шершавую спинку стула в бабушкиной кухне. И вдруг — голос экскурсовода. Тот самый, с узнаваемым чешским акцентом, когда слова будто не катятся по прямой, а все время норовят перескочить через холмик:

— Когда умер мудрый Крок, власть перешла к его дочерям...

«Мудрее отца своего, красивее матери», — говорили чехи о самой младшей из них — Либуше. Это она напороочила Прагу: «Вижу великий город, слава которого достигнет звезд небесных». Полагаясь на свой женский взгляд, она выбрала мужа — простого пахаря Пржемысла. Отсюда и пошел главный королевский род Чехии — Пржемысловичи. Я остановилась как вкопанная: «Выбрала сама. Женщина. В тот век. И город пошел от ее слова...»

Прага будто толкнула меня локтем в бок: «Ну что, слышишь? Можно выбирать, а не просто дрейфовать, цепляясь за чужие решения».

Я вошла в храм. Табличка при входе поведала о том, как в 2003 году Папа Римский Иоанн Павел II присвоил здешнему собору статус малой базилики, и тогда на колокольне к четырем большим добавили еще семнадцать маленьких коло-

колов. Двадцать один колокол, и каждый со своим голосом.

Двадцать один... Цифра отозвалась внутри так ясно, что я едва не присела на лавку. В двадцать один год бабушка Лида впервые протянула мне старые конверты с письмами и сказала: «Это твое».

Что именно передавалось мне вместе с этими письмами? Тайна, судьба или поручение?

Уходя, я оглянулась на башни — подвешенные в воздухе легкие кружева — и подумала: «Аня — молодая русская девчонка, решившая однажды сорваться в чужую страну и вместо тоски и страха найти там любовь. Вот откуда эта сила?»

Может, она именно в этом — в умении выбирать? Либуше выбрала судьбу города. Анна выбрала уехать в неизвестность и полюбить того, кого полюбила. И только я все тяну, все боюсь чего-то...

Через сорок минут я уже стояла у дверей Национального архива.

Даже сквозь белые хлопковые перчатки, которые мне выдали вместе с несколькими церковными книгами в переплетах из потемневшей кожи, я чувствовала буквы. Они слагались в ряды чужих имен и в написанные старославянским языком судьбы людей, в силу разных обстоятельств оказавшихся на чужбине.

Я вела пальцем по строчкам до того мига, пока сердце,

словно забыв свой ритм, не сделало неестественно длинную паузу. Чтобы потом ударить с двойной силой.

Я сидела неподвижно, боясь пошевелиться, опасаясь, что одно неверное движение — и строки исчезнут. Все вокруг растворилось: стены, лампы, люди. Осталась только я и она — эта запись, тонкая ниточка, связавшая меня с теми, кто жил задолго до моего рождения.

Это они. Это моя семья.

Письмо Анны

Дорогая моя Маруся! Передаю это письмо с оказией...

Не знаю, дойдут ли эти строки до тебя и когда ты их получишь, но сердце мое не позволяет молчать.

Ты знаешь, как тяжело нам всем пришлось после войны. Теперь в Праге много наших, каждый со своей бедой и тоской. Недавно я познакомилась с Петром. Он сын белых эмигрантов, отец его погиб в Крыму, мать пока в Стамбуле, но надеется воссоединиться с сыном.

Мы встретились случайно — на собрании в приходском доме. И знаешь, Маруся, я давно не чувствовала такого тепла, как в его присутствии. Он прост, внимателен, и у него в глазах есть нечто такое...

Я не знаю, что будет дальше. Все зыбко. У многих здесь нет ни крыши над головой, ни работы... Петр говорит, что мы должны строить будущее, не надеясь на возвращение. Но я не могу так легко отрешиться от дома, ведь там вы.

Пиши мне, прошу тебя, как живете. Здесь рассказывают совершеннейшие ужасы о гражданской войне. Я даже боюсь спрашивать тебя прямо: жива ли матушка и другие наши близкие? Как ты сама держишься, детка? Порой мне кажется, что я разговариваю с вами во сне, а потом просыпаюсь от голода в своей холодной комнате — и снова слезы на глазах.

Маруся, если можешь, ответь. Хоть одно слово: «Живы». Пусть это будет моя отрада.

Крепко обнимаю. Храни тебя Бог.

Твоя Анна.

21.10.1921 г.

Как только я устроилась в кресле самолета, накопленная усталость взяла свое. Прага осталась позади — со своими булыжными мостовыми, маленькими дворами и средневековой архитектурой, говорящей голосом Анны. Ответы были частичны, как будто я сложила лишь половину пазла. Но самой дороги к этому оказалось достаточно...

Или все-таки недостаточно? Иначе зачем бы я за несколько часов до вылета вдруг начала собираться — лишь бы успеть в то место, о котором упомянула женщина в библиотеке?

А город по-прежнему шумел... Так же, как в день моего приезда, скрипели трамваи, в витринах отражалось солнце, многоголосый поток туристов лился по набережным — пест-

рый, беззаботный, живой.

Все переменялось за воротами кладбища. Тишина обескураживала, обволакивала запахом сырой земли и прелой листвы.

Я пошла наугад меж крестов. Они были разными: деревянные, покосившиеся от времени, железные, каменные с облупившейся краской. Некоторые с почти исчезнувшими надписями, на некоторых виднелись таблички:

«Поручик Алексей Тихонов, 1889—1920. Погиб в изгнании»;

«Софья Дмитриевна Верецагина, урожденная Рябова, 1895—1931». Рядом кто-то очень давно поставил горшок с васильками. Тканевые лепестки потеряли цвет, а глиняный сосуд покрылся мхом.

Я шла медленно, без цели, не надеясь ничего найти. Но все же я была здесь — возможно, потому, что библиотекарь сказала: «Съездите, это важно». А я ведь всегда делала то, что важно.

На одной из аллей я увидела березу, большую и настоящую, а рядом с ней — каменную плиту с надписью: *«Аркадий Аверченко, 1881—1925».* Я остановилась: столько остроты, смеха, блеска — и вот, всего несколько строк на холодном камне.

Чуть дальше — простой крест с табличкой: *«Елена Набокова, 1876—1939».*

Между ними тянулся целый город имен, полузабытых, ко-

гда-то живших лишь надеждой и ожиданиями...

Вдруг я вспомнила фразу из письма Анны: «Петр говорит, что мы должны строить будущее».

А ведь именно этим я жила — все время чего-то ждала: подходящего момента, ясного знака, нужного человека, точного объяснения. А может, никакого «потом» и нет? Есть только здесь. И только сейчас.

Кажется, на минуту я провалилась в сон. Очнулась от вежливого: «Вам кофе?» Стюардессы разносили напитки. Пришло осознание, что лечу домой!

Только сейчас я оглянулась на пассажиров. В соседнем кресле сидел мужчина. Он улыбнулся понимающе — так улыбаются тому, кто задремал незаметно для себя.

Я почувствовала, что краснею, как школьница.

«Марина! Надеюсь, ты не захрапела?!» — сказала я себе.

Да, кофе мне сейчас не помешает... Глотнула и тут же поморщилась от безвкусной жидкости, которой присвоили это благородное имя.

— Это совсем не тот кофе, который готовят на углу Староместской площади, не так ли? — полушепотом спросил мужчина.

— Да...

— Дайте попробую угадать... — он наклонился чуть ближе: — Вы любите... pour-over⁷?

⁷ Pour-over (пуровер) — метод заваривания кофе ручным способом (в переводе

— Если вы имеете в виду «Старбакс», то там такой не подают.

— Ни в коем случае — это не массовый продукт. Кофе, о котором говорю я, мог создать только энтузиаст-одиночка.

— Как Малгожата Эбель⁸?

И мы рассмеялись. На секунду я представила, как выглядит этот разговор со стороны. Как будто два человека беседуют о какой-то общей тайне на только им понятном языке.

Самолет выруливал на взлетную полосу. Я невольно прижала ладони к подлокотникам — каждый раз в такой момент я казалась сама себе очень уязвимой. Металл дрожал, двигатели набирали обороты, и вдруг — отрыв, провал и легкий толчок в солнечном сплетении.

«Прощай, Прага! Я к тебе обязательно вернусь!» А пока впереди была новая дорога.

И кто знает, может, она начиналась здесь и сейчас — в этом самолете.

Ваша Марина.

2021 год.

с англ. языка).

⁸ Małgorzata Ebel — основатель кофейни Ebel Coffee в Праге (прим. автора).

Майя Дмитриева. НАБЛЮДАТЕЛЬ

В Прагу я приехал за Чапеком. Не за книгами — за духом места, где впервые прозвучал термин «робот», придуманный чешским писателем. Моя диссертация близилась к завершению, но последняя глава, посвященная границе между человеком и искусственным существом, никак не складывалась.

Чапек всю жизнь писал одно и то же: человек создает Другого, чтобы тот служил, но Другой рано или поздно обнаруживает свою волю и становится для человека угрозой. Сейчас, когда идея опереться на искусственный разум захватила мир, кажется логичным обратиться к наследию того, кто придумал «роботов».

Я поселился на Малой Стране, побродил денек по местам, связанным с именем писателя и его не менее талантливого брата-художника, а потом отправился в знаменитый пражский зоопарк. Там изобретательные чехи, желая отдать должное своему знаменитому соотечественнику, обустроили удивительный павильон с исполинскими амфибиями, воссоздав естественную среду обитания этих земноводных — пять водоемов, имитирующих горный ручей. Конечно, прямой отсылки к «Войне с саламандрами» нет, но, глядя на таких удивительных тварей, невозможно не думать о Чапеке.

Каждое утро я ехал в саламандриум, чтобы побыть в его атмосфере. Мягкое приглушенное освещение, легкая прохлада и тишина, нарушаемая лишь редкими звуками — плеском воды или движением обитателей, — располагали к сосредоточенной работе.

Моим компаньоном стал Карло, гордость зоопарка, самая большая в мире саламандра. Темно-бурый трехметровый батон с плоской головой и жутковатыми немигающими глазами-бусинами. Он часами лежал в стеклянном бассейне и иногда чуть шевелил короткими лапами с растопыренными толстыми пальчиками. «Как детские ручки в перчатках», — с содроганием подумал я, когда увидел это создание в первый раз.

Я садился на скамейку напротив, погружался в свои заметки и совсем не замечал постоянно движущегося между нами потока посетителей, которые стали частью обстановки, словно течение еще одной реки.

После полудня появлялся пожилой смотритель в синем халате, с ведром и тряпкой. Он неторопливо протирал стекло и подметал дорожки, оставаясь таким же неприметным, как и его подопечный.

На третий день служитель пришел с длинными щипцами в руках и стал кормить саламандру мелкой рыбешкой — к восторгу малышей, густо облепивших ограждение. Пища опустилась в воду, и Карло, который часами лежал камнем, вдруг ожил. Пасть раскрылась широко, медленно, как створ-

ки старинного саквояжа, полного жутких секретов, и амфибия всосала добычу.

Смотритель поймал мой любопытствующий взгляд, почему-то стало неловко, и я нырнул обратно в чтение.

— Вы каждый день приходите, — сказал старик.

— Работаю, — я кивнул на книги.

— Зоология? — полуутвердительно спросил он.

— Нет, литература. Чапек.

— Вот как! — Кажется, я его заинтересовал.

Мы познакомились и потом часто проводили время в разговорах. Пожалуй, это были мои любимые полчаса в день.

Томаш оказался глубоким собеседником: манера речи и широкий кругозор не только в биологии, но и в истории культуры обнаруживали в нем исследователя и незаурядную личность. Я так и не понял до конца, как он оказался в роли рабочего зоопарка, но готов был поклясться, что в промежутках между уборкой павильона и кормлением животных он преподает в местном университете. Однако от прямых расспросов Томаш уверенно уходил, и я счел невежливым настаивать.

— Почему вы не выбрали для работы библиотеку? — спросил он.

— Наверное, вот причина, — кивнул я в сторону саламандры.

— Думаете, Карло подскажет что-то о своем знаменитом тезке?

Поразительно, что эта мысль не посетила меня раньше.

— Как вы наблюдательны! Я не подумал, что Карло назвали в честь Чапека.

— Да нет, — улыбнулся Томаш, — это простое совпадение. Дело только в размере. Самой большой в мире саламандре дали имя императора Священной Римской империи Карла Четвертого, монарха, при котором Прага была столицей всей Европы.

«Хм, не рассмотреть ли в диссертации эту забавную связь? — подумал я. — Маленькому народу важно все, что напоминает о его величии, и в этом есть отсылка к идеям Фрейда, другого знаменитого чеха. Жаль, что я пишу работу не по психоанализу».

Я подошел к бассейну поближе и присел на корточки, чтобы получше рассмотреть Величайшего Карла.

Приплюснутая круглая голова, похожая на камень, обточенный водой. Широченная пасть, чуть изогнутая в углах. Застывшая улыбка Гуинплена, жуткая и вместе с тем как будто застенчивая, заискивающая. Неприятное впечатление усиливал пристальный неподвижный взгляд. Я понимал, что такой эффект создавало отсутствие моргания, но не мог отделаться от ощущения, что тварь рассматривает меня в ответ.

Бородавчатая кожа с бахромой по бокам. Что-то по-детски незащитное и вместе с тем неуловимо отвратительное.

— Непонятно, почему Чапек отдал роль разумных су-

ществ, претендующих на мировое господство, таким неприятным, а главное, безмозглым существам. В любом млекопитающем гораздо легче заподозрить разумное.

— Хороший вопрос, может быть, причина в их беспомощности? — С готовностью подхватил мою идею Томаш. — Сила, которую мы не подозреваем в слабом, обезоруживает. Или важна как раз отвратительность. Чем противнее на вид существо, тем труднее сделать попытку понять его, поставить себя на его место, разделить его чувства. И тем легче использовать.

— И тем легче использовать, — повторил я. — Да, чужих трудно принять, они всегда вызывают опасение.

К ограждению подошла шумная семья китайцев, и я обратил внимание, что улыбки не сходят с их лиц, словно приклеенные, хотя по резким интонациям можно было подумать, что они спорят или даже ссорятся. Я поймал себя на неприязни и поспешил вернуться на свою скамью. От моего проницательного собеседника, кажется, не ускользнули мои передвижения, но он только улыбнулся и ушел, попрощавшись до завтра.

Томаш почти никогда не начинал разговор первым, неторопливо совершал свои манипуляции со стеклянным ограждением бассейна и с любопытством поглядывал на меня, пока я созванивался с научным руководителем, редактировал рукопись или читал. Но я сам находил повод продолжить бе-

седу.

Однажды мы разговорились о том, что роботы Чапека — это прямое наследие древних пражских мифов о Големе и легенды о фаустовском гомункуле. Идею искусственного создания жизни гений писателя перенес из области магии и алхимии в сферу биотехнологий и экономики. Гомункул Фауста — чистый разум, лишенный телесности, а Голем, наоборот, — глиняное тело, муляж человека, одушевленный силой чернокнижия.

— Вы правы, мой друг, роботы в пьесе Чапека — это биологические существа, выращенные в чанах из синтетического протоплазматического вещества. Аналогия очевидна. И, заметьте, это не просто искусственные создания, а совершенные. Лишенные страстей и ошибок.

— Но неспособные создавать новое, — я поспешил вставить свой любимый аргумент в защиту уникальности человеческой расы.

— А что, если творчество — тоже всего лишь технология, которой можно овладеть?

— Вы говорите как мой научный руководитель, — усмехнулся я. — Он убежден, что искусственный разум через некоторое время заменит человека во всем.

— А вы?

— Конечно, нет. Ошибка, хаос — вот чего лишен бездушный алгоритм и что дает возможность выйти из шаблона, создать принципиально другое.

— Вы уверены, что нельзя запрограммировать парадокс?

— Это спор на уровне убеждений, но до сих пор реальность такой угрозы не подтверждена.

Мы замолчали. Во мне боролись объективность исследователя и желание защитить достоинство и неоспоримое преимущество человека перед собственными же созданиями. И еще немного — страх, иррациональный страх, берущий начало из древних суеверий и современных классических антиутопий.

— Даже если вы правы, — добавил я наконец, — есть еще эмоции, чувства. Синтетический интеллект подобен искусственному духу, заключенному Фаустом в колбу. Но интеллект и даже развитое сознание — это еще не душа.

— А если душа есть, — спросил он, глядя мимо меня, — но ее не видят?

— Где?

— Ну, в колбе.

— В колбе не может быть души, — усмехнулся я. — Это художественный образ. Ну как, например, странная фантазия наделить разумом хладнокровных тварей, представителей нижней ступени пищевой цепи.

Я махнул рукой в сторону бассейна. Карло, словно в знак согласия с моими словами, медленно перебирая короткими толстыми лапами, изменил свою многочасовую позу и плавно повернулся к противоположной стенке бассейна.

Томаш сразу потерял интерес к дискуссии и проводил ам-

фибию взглядом:

— Саламандры крайне редко меняют положение. Прости-те, я должен вас оставить, хочу сделать пару снимков.

Ночью я спал плохо: мне снились шеренги марширующих роботов, саламандры, одетые в каски пехотинцев времен Первой мировой, и глиняные истуканы, стремящиеся захватить планету.

Наутро я принял решение не погружаться больше в рефлексию со странным своим собеседником, который так легко оперировал идеями, но сам как будто оставался снаружи диалога. Иногда мне казалось, что он исследует меня, словно я — еще одно любопытное существо во вверенном ему зоопавильоне. А пока он с интересом наблюдает за тем, как легко я погружаюсь в диспут, моя работа над главой стоит.

Словно уловив мое намерение, Томаш в этот день ограничился доброжелательным приветствием и парой замечаний о погоде. Когда он ушел, я обнаружил на скамейке оставленный кем-то из посетителей томик рассказов Кафки под названием «Наблюдения», рассеянно начал перелистывать его и не заметил, как наступил вечер. «Так, соберись, соберись, пожалуйста, абсурда и так достаточно в твоей жизни последние несколько дней, вернись к работе».

Но внутренний монолог продолжался, как будто я оправдывался перед самим собой и от прочности аргументов зависела не только возможность продолжать диссертацию, но

и моя жизнь.

«У меня нет задачи вершить судьбы человечества», — решил я, но подумал, что пассаж о параллели между предполагаемым захватом искусственным интеллектом власти над человеком и художественными образами Чапека можно вставить в работу. Я был благодарен Томашу за глубокий диалог, но теперь мне все-таки стоит немного отстраниться. Я всего лишь пишу литературоведческое исследование.

— Зачем вам диссертация? Понятно, что ученая степень расширит ваши профессиональные и карьерные перспективы. Но есть ли что-то более важное?

Я промолчал. Не произносить же вслух, что иногда мне кажется, будто я нащупываю истину и реально могу показать человечеству пути выхода из цивилизационного кризиса. А Томаш продолжал, словно отвечая на мои невысказанные мысли:

— Вы действуете из наивного сознания просветителя восемнадцатого столетия. Сейчас-то нам известно, что, к сожалению, познание не ведет к свободе. Помните Кафку? Его герои предельно внимательны, они изучают законы и правила, но это не дает им ни защиты, ни понимания. Они наблюдают, делают выводы, но не видят, остаются по ту сторону стекла, барьера, — Томаш кивнул в сторону бассейна, — ну вот как в этом аквариуме, где жизнь видна, но недостижима.

Мне начинало все это изрядно надоедать. В первые дни

нашего знакомства казалось увлекательным и полезным погружаться в рассуждения о сути вещей, но чем дальше мы общались, тем сильнее меня накрывало ощущение их абсурдной бесплодности. Практической бесполезности.

— Вы извините меня, Томаш, все это пустые абстракции, всего лишь изощренное умствование. Моя работа никак не связана с моей жизнью. Можно изучать что-то ради самого познания.

— Вы любите кого-нибудь?

— Простите?!

— Ну, я хотел бы знать, есть ли что-то или кто-то в вашей жизни, ценное само по себе, независимо от плодотворности, результатов. То, что вы видите по-настоящему, путь к чему открывают не ваши глаза и уши, а сердце.

— Я люблю литературу, науку. Мне нравится находить связи между разрозненными идеями, строить свои собственные конструкции смыслов. Но это не значит, что я книжный червь, чуждый эмоциям, если вы об этом. У меня много друзей, преданная жена.

Я вспомнил Розу с ее умением много лет быть важным человеком в моей жизни и оставаться при этом незаметной, нетребовательной. Вспомнил ее виноватую улыбку, когда снова предложил подождать с ребенком, ведь сейчас не самый подходящий момент. На следующий день после этого тяжелого разговора я уехал в Прагу и, черт, кажется, ни разу не позвонил, ограничиваясь сухой перепиской в мессендже-

ре.

В павильоне были только мы с Томашем. Вдруг в совершенной тишине отчетливо раздался тихий, приглушенный толщей воды звук, похожий на всхлип или детский плач. Я вздрогнул и обернулся. Карло лежал, устремив сквозь меня неподвижный взгляд.

— Начинается брачный сезон, — пояснил Томаш. — В природе самцы издают такой звук, чтобы привлечь самку.

— Как вы думаете, — кивнул я на бассейн, — он понимает что-нибудь?

— Вряд ли, — ответил Томаш. — Это же амфибия, существо с примитивным мозгом.

— Наверное, мне пора завершать работу. Иногда я перестаю осознавать, что здесь делаю и зачем сюда пришел. — Я помолчал. — Но знаете, вместе с тем кажется, — здесь, на этой скамейке, происходит нечто важное.

Последний день выдался холодным. Я приехал, занял свое место, открыл ноутбук, но скорее это был ритуал: я не собирался работать — ждал Томаша. Он не появился, не дал мне возможности ни поблагодарить, ни поставить какую-то точку в нашем споре, которого не было.

Я даже не успел взять номер его телефона, потому что отложил это на последний день. И к лучшему.

Посидев еще немного, собрал книги и посмотрел на саламандру. Карло лежал в воде неподвижно, глядя куда-то в

сторону. Я направился к выходу.

Вода пахнет влажным деревом и тысячами людей, которые проходят мимо каждый день. Я помню всех, кто смотрел на меня дольше минуты. Их было четверо за десять лет. Четверо.

Мальчик. Он долго прижимал ладони к стеклу, а когда я подплыл, испугался и бросился прочь. Женщина безутешно плакала... Я так и не понял, о чем. Старик — он кормит меня изо дня в день. Он знает правду. Единственный. Но хранит молчание.

И ты. Ты сидел на этой скамейке двенадцать дней. Спорил с тем стариком. Порой бросал на меня короткий взгляд, как на часть обстановки. А я не отрывал от тебя глаз.

Ты рассуждал о Чапеке, душе, границах — так умно, так глубоко. Я верил: этот поймет. Но ты смотрел сквозь меня. Сегодня ты был в последний раз. Молчал. Встал. Ушел. Я смотрел тебе в спину, пока ты не скрылся.

Я не знаю, зачем я здесь. Но каждое утро подплываю к стеклу — вдруг сегодня придет тот, кто увидит.

Это называется надежда. Старик говорит, без надежды нельзя.

Я жду.

Дарья Хоботкова.

МАГНОЛИЯ В ЦВЕТУ

Я живу в самом центре старого города, недалеко от Ратуши, в семейной квартире моего деда. Помещение напоминает пенал: узкие комнаты, вытянутые в высоту. Как будто их своими руками стиснул великан Краконош, хозяин Исполнинских гор.

В детстве мне бабушка часто рассказывала про него. Хотя великан был добродушным и порой помогал потерявшимся детям найти дорогу домой, я ужасно его боялась. Только представьте: он был настолько огромным, что в его ладонях умещались Гонзик и Анделка — герои сказки!

В глубине квартиры располагается спальня с крохотной кладовкой, затем — маленький коридор с двумя дверями: первая ведет на улицу, вторая — в уборную. В конце коридора находится кухня-гостиная с двумя узкими окнами, выходящими на оживленную площадь, где постоянно толпятся туристы. Эти окна — глаза дома и одновременно мои глаза. Последние несколько лет я сильно болею и не выхожу на улицу. Смотреть в окно, мечтать и предаваться воспоминаниям — вот и все мои развлечения.

Вчера поздно вечером прямо под моими окнами разыгралась маленькая драма. Я видела, как два немца вальяжно

вышли из ресторана «У Медвидку». Скорее всего, они жили в гостинице над ним и решили проветриться перед сном. «У Медвидку» славился своим пивом и вепревым коленом⁹. Немцы были довольные и хмельные.

Сначала они распевали песни и наслаждались теплой весенней ночью. Но потом мимо них прошли две девушки. Одна из них, блондинка с губами цвета алого тюльпана, была в облегающих лосинах и яркой кофте, и немец, вероятно, инстинктивно хлопнул ее по заду. Та взвизгнула и обозвала немца «грязной свиньей». Ее подруга пустила в ход зонтик и огрела наглеца по спине. Немец пришел в ярость. Он с проклятиями кинулся на девушек. Друг пытался утихомирить буяна, но тот, не разбирая, нанес ему резкий удар кулаком в ухо. Завязалась драка, а девушки побежали через площадь в поисках полиции.

Недалеко от ратуши действительно оказался полицейский. Девушки по-английски пытались что-то объяснить ему, указывая в сторону, где дрались немцы. Полицейский коротко ответил: «Ок» и неспешно направился туда.

Посмотрев на разъяренных немцев, он хмыкнул, но вмешиваться не стал, а отошел в сторонку, заняв позицию наблюдателя. В Праге туристы — это святое. Лишний раз их не трогают и не делают замечаний. Всем должно быть хорошо и приятно. И если немцам сейчас была охота подраться, то

⁹ Блюдо чешской кухни, представляющее собой запеченную свиную рульку (прим. автора).

пусть дерутся на здоровье! Надо просто приглядывать, чтобы драка не вышла из-под контроля.

И действительно, уставшие, покрасневшиеся немцы успокоились. Они постояли немного, помирились, обнялись и, тяжело дыша, побрели через площадь, оглядываясь по сторонам, в какую бы пивную зарулить еще.

Часто днем я плохо себя чувствую и лежу в кровати до самого вечера. Мое тело становится тяжелым и невесомым одновременно, и я не могу пошевелить ни руками, ни ногами. Лежу, словно в забытии, прислушиваясь к тому, что происходит на улице, и мысли уносят меня к Мартину.

Вспоминаю, как мы любили гулять после университетских занятий и разговаривать обо всем на свете. Особенно весной! Мы учились на разных факультетах и иногда не виделись целую неделю.

Встретившись, мы шли по проснувшемуся и помолодевшему после зимы городу. По дороге покупали первую клубнику и сворачивали к Карлову мосту. Мы отправлялись не туда, где было много туристов, а спускались к воде. Мартин расстилал свою куртку, и мы усаживались рядышком, ели клубнику, смеялись и смотрели на серо-голубые воды Влтавы. Часто встречали тут закат. Потом Мартин провожал меня, и мы долго стояли около дома, не в силах расстаться. Лишь когда фигура скелета на часах городской ратуши начинала дергать за колокол и апостолы в последний раз за день

показывались перед зеваками на площади, — это был знак, что нам пора прощаться. Часы показывали одиннадцать, и Мартин спешил на фуникулер, который уносил его на Петршинский холм, где располагалось его университетское общежитие.

Мартин был родом из Оломоуца — старинного городка на востоке страны. Я мечтала побывать там и познакомиться с его родителями. Однако Мартин не слишком любил свой родной город: он восхищался Прагой и говорил, что их местная площадь с часами — всего лишь жалкая копия Пражского орля. Я тоже очень люблю Прагу, хотя выросла в пригороде, где у моих родителей есть дом — именно там я провела школьные годы.

Когда я поступила в Карлов университет, то переехала к бабушке с дедушкой — в эту крохотную квартирку. В детстве я бывала тут редко, всего несколько раз в году, и мечтала поселиться здесь навсегда.

Родители не любили шумный туристический центр, особенно тяжело приходилось в городе летом. Каменные дома накалялись, а все кафе и главные улицы были забиты туристами, которые веселились и гуляли до утра. В августе часто стояла пыльная, душная и влажная погода. Влтава почти не давала прохлады — только к вечеру становилось приятно посидеть в кафе или прогуляться возле воды. Поэтому летом, когда дедушка брал отпуск, вся семья жила у нас за городом. А квартира пустовала.

Мама несколько раз предлагала сдавать ее туристам, но бабушка наотрез отказывалась. В квартире царил особый порядок, и она не желала нарушать его, прятать свои вещи ради временного заработка. Тем более бабушка не терпела чужого присутствия на своей территории: туристы оставляли не только мусор, но и запахи алкоголя, сигарет, духов, а вместе с ними, как ей казалось, свою энергетику.

Мне нравится Прага в любое время года. Но особенно прекрасна она весной.

Когда начинали цвести магнолии и голые крючковатые ветви деревьев покрывались кремово-малиново-лиловыми цветами, мы с Мартином отправлялись на прогулку в Вояновы сады.

После занятий мы вместе шли к фуникулеру, поднимались на холм и часами бродили, любуясь цветущими деревьями. Тут, на холме, располагался мой любимый парк, где весной цвели миндаль и сакуры, а летом распускались самые красивые розы. Отсюда открывался вид на весь Старый город, и мы с Мартином пытались разглядеть мой дом.

Однажды во время прогулки по Петршинским садам я решила похулиганить. Остановившись, я взяла Мартина за руки и с нежностью посмотрела ему в глаза. Он замер, ожидая поцелуя. Но вместо этого я приподнялась на носочки, сорвала кепку с его русых волос и убежала вперед. Мартин бросился за мной в погоню, догнал, обнял своими сильными ру-

ками. Он приблизился настолько, что его ресницы коснулись моей щеки, и я закрыла глаза, утонув в поцелуе.

Мой дед всю жизнь проработал на заводе «Кох-и-Нор» и очень гордился этим. В детстве, перед началом учебного года, мы с ним заходили в канцелярский магазин. Он торжественно подводил меня к прилавку с карандашами и ручками, которые выпускались на его заводе. Брал в руки простой рыжий деревянный карандаш, любовался им и говорил: «Красавец!» или «Само совершенство!»

Дед часто рассказывал, что первые карандаши выглядели совсем иначе: их делали из глины и графита. Лишь в конце XIX века на Всемирной выставке в Париже был представлен прародитель современного карандаша — с графитовым стержнем и деревянным корпусом из кедра. У деда имела́сь целая коллекция канцелярских изделий завода, он собирал ее долгие годы. Для него она стала чем-то священным, неприкосновенным.

Купив все необходимое, я просила деда отвести меня на улочку Алхимиков, которая манила и завораживала. Скоро начиналась школа, надо было уезжать к родителям за город, и я прощалась с моей Прагой до рождественских каникул. Мы шли туда, куда я хотела. Дед рассказывал об алхимиках, искавших эликсир вечной молодости и пытавшихся превратить свинец в золото, а также о местных ювелирах, которые здесь когда-то обитали. Он и сам себя считал причастным к

ювелирному делу, хотя всю жизнь делал канцелярские товары. Примечательно, что его завод изначально был назван в честь знаменитого алмаза «Кохинур».

Однажды мы с Марином решили устроить сюрприз моему дедушке на день рождения. В кондитерской Sladká dílna¹⁰ купили коробку его любимых ветрников¹¹, сели на трамвай и поехали встречать его с работы.

Почему-то я не могу вспомнить, как мы тогда поздравили деда. Обрадовался ли он или удивился... Помню лишь, что вскоре я заболела, а Мартин куда-то надолго уехал — вероятно, в Оломоуц, навестить родных. И с тех пор я его жду.

Уже несколько недель на площади проходит пасхальная ярмарка. Вокруг памятника Яну Гусу выстроились павильоны: тут продают еду, украшения и сувениры. Из своего окна я вижу красные и коричневые крыши — они образуют причудливые хороводы.

Три недели назад вместе с павильонами сюда привезли огромные декорации — яйца и березки, ветки которых, подобно девичьим косам, были перевиты разноцветными лентами. Когда их устанавливали, грузчики в рабочих комбинезонах уронили самое большое яйцо, украшенное цветочными гирляндами. На них долго кричал их главный.

¹⁰ Sladká dílna — «Сладкая мастерская» (в переводе с чеш. языка).

¹¹ Большой профитроль из заварного теста, разрезанный пополам и наполненный сливочным (ванильным) и карамельным кремом (прим. автора).

Людской гомон, детский смех и плач целыми днями заполняют площадь. Особенно много людей было в пасхальный понедельник — ведь это выходной, и все пришли сюда гулять семьями. До самой ночи на площади толпился народ. Но сегодня ярмарка работает последний день. Я лежу и прислушиваюсь к тому, что происходит на улице. До меня доносятся не только звуки, но и запахи.

Дурманивший аромат жареных колбасок смешивается с благоуханием корицы и печеного теста, и мне даже захотелось есть.

Хотя в последнее время я не испытываю голода — совсем нет аппетита. Даже мои любимые трдельники меня не радуют.

В детстве я могла подолгу смотреть на то, как их пекут. Когда пекарь ворочал шпалками с накрученным на них еще сырым тестом, мне казалось, что это великан орудует вертелом, поджаривая над очагом барана.

Трдельник снимали с огня, посыпали сахарной пудрой и отдавали дедушке. Он торжественно и аккуратно вручал его мне. Я буквально светилась от счастья! Хрустящая корочка, пахнувшая сладкой корицей, обжигала мой язык, но меня это не беспокоило. Куда больше огорчало то, что трдельник быстро кончался, — и я с недоумением смотрела на деда.

— Что, обманул тебя «дурак»? Не наелась? — смеялся дед.

И я вспоминала, что слово «трдельник» происходит от

слова «трдло», что означает «дурак». С виду он большой, а внутри — пустой.

Вечером я слышала звуки скрипки — это был танец Дворжака. Собравшись с силами, я поднялась с кровати и подошла к окну. Там я увидела старика в камзоле — это он играл на скрипке. Мимо проходила семья, и девочка лет пяти остановилась послушать.

— Какая грустная музыка, — сказала девочка, — как будто кто-то плачет.

Папа погладил ее по голове:

— Да, словно кто-то потерял свою возлюбленную и тоскует по ней!

Голос мужчины показался мне знакомым, и я прильнула лбом к стеклу. Отец девочки был очень похож на моего Мартина. Только старше и с бородкой. Рядом с ним была молодая женщина, по-видимому, его жена.

Меня охватило отчаяние, я решила открыть окно и окликнуть мужчину. Пусть я ошибусь, но надо же выяснить, Мартин это или нет! Ведь я так долго его ждала!

Я начала дергать оконную задвижку, но та никак не поддавалась. Мои руки были слабы, а пальцы не слушались. Наконец задвижка сдвинулась. Порыв весеннего ветра распахнул окно и опрокинул на пол вазу, стоявшую на подоконнике.

Услышав громкий стук, девочка запрокинула голову и посмотрела прямо на меня. Ужас искажил ее милое личико.

— Привидение! — вскрикнула она и кинулась к отцу.

Тут мужчина заметил меня — это действительно был Мартин. Он стал белым, как богемский кружевной воротничок моей бабушки.

— Малышка, успокойся, это просто ветер колышет шторы! Никаких привидений не существует! Я хорошо знаю этот дом. Тут жила та самая Анежка, помнишь, я рассказывал про нее по дороге в Прагу? — Он наклонился и посмотрел дочери в лицо.

— Она умерла, когда вы учились в университете? — Девочка все еще была напугана.

— Умерла... В день рождения своего деда. Несчастный случай! Это было восемь лет назад... А тебя мы называли в ее честь, — осторожно подбирал слова Мартин.

— Анежка — значит «чистая»! — заученно произнесла девочка и наконец посмотрела на отца.

— И правда. Она была ангелом! Как и ты!

Мартин сильно сжал руку дочери и повел ее в глубь площади. Его жена так и не поняла, что произошло и почему дочь испугалась. Она с недоумением последовала за ними.

Мартин затерялся в толпе, а я все стояла у окна и не могла поверить тому, что услышала. Хотя это было уже не так важно, ведь мой Мартин пришел, и я видела, что он меня не забыл и любит по-прежнему!

Я села на подоконник, свесила ноги вниз и вдохнула весенний аромат города. Болтая ногами, я размышляла о том,

что же мне теперь делать. И вдруг почувствовала невероятное желание взлететь! Я встала, оттолкнулась и взмыла над площадью. Мне было легко и привольно. Всеобъемлющая радость охватила меня, и захотелось подняться выше облаков. Но сначала я решила увидеть те места, где была счастлива.

Я покружила над зданием Карлова университета, любуясь серыми колоннами и зеленой крышей. Фигурно подстриженные деревья уже оперились молодыми листочками, а на зеленой лужайке — с книжками, кофе и ноутбуками сидели студенты. Как когда-то сидела и я с моим любимым.

Затем я взмыла на Петршин холм. Покружив над общежитием, где жил когда-то Мартин, я присела на крышу обсерватории, и стала рассматривать Петршинскую башню. Раньше она мне казалась чужеродной и никогда не нравилась. Сейчас же я испытывала к ней такие же чувства, как в детстве к нелюбимой игрушке, которая валялась где-то под диваном, но о которой я всегда помнила.

За обсерваторией раскинулись Семинарские сады. Весь холм был накрыт бело-фиолетовой вуалью — цвели яблони и сирень.

Начинали распускаться каштаны. Они зажгли свои поминальные свечи, прощаясь со мной навсегда.

А мои любимые магнолии отцвели, как отцвела моя жизнь. И я устремилась ввысь, чтобы на следующий год, весной, снова распуститься прекрасным цветком на сучковатой

корявой ветке и радовать своей красотой всех, кто когда-то меня любил.

Мария Лисс. ČERNÝ ÚMYSLY

Возле путей многолюдно и шумно. Галдят, кажется, на нескольких десятках языков. Красный поезд резко останавливается, коротко лязгая механизмами. Какой же он! Как настоящий! Доставка еды и напитков прямо к столику по игрушечной железной дороге — это просто восторг! Я беру свою безалкогольную «Крушовице». Ну как они ухитряются налить ровно столько пива, чтобы стакан был полным, но не расплескался?! Ставлю паровозному ресторанчику «Вытопна» пять звезд и даю на него ссылку в своем канале под кружочком с видео. Спасибо, Костя, что подарил мне эту поездку. Реально, все, как ты обещал. Прага — это действительно «прогулка по сказке». Домики, как из старых фильмов про Златовласку и Золушку! Бесконечные ресторанчики и кофейни с аппетитной выпечкой, такой вкусной, что не жалко талии. И три дня отмокания в Карловых Варах. Мммм... Не в «Имперiale», конечно, но все включено: ванны, обертывания, массаж, бассейн, спа и диетпитание три раза в день.

Пражская сказка настолько хороша! Я даже перестала расстраиваться, что забыла взять в поездку «Афобазол». Жаль, последние три дня немного подпортит выпускная работа в институте. Но жаловаться — грех. Всем бы отмазаться от диплома так легко, как мне. Спасибо, Костя, что профинансировал путешествие! Да разве это напряг по сравнению с

тем, как горбятятся однокурсники?! Делов-то: снять видеоматериал о современном концептуальном искусстве и разместить в своем блоге. К этому — тупо скопировать в сети описания из всяких источников, немножко разбавить водичкой, которую мне напишет ИИ, дополнить аналитикой лайков и комментариев, которую мне поможет сделать Анька. Защиту я как-нибудь переживу. И вуаля, я больше никогда не буду иметь дел с культурологией. До свидания, четыре мучительно профуканных года! Здравствуй, обещанная Костей нормальная взрослая жизнь: ЗАГС, ипотека, двое детей. Меня все устраивает.

Итак, планы на сегодня: голова Кафки, дедуля Фрейд, писающие мужчины... Короче, Давид Черны насоздавал в Праге столько этих концептуальных арт-объектов, что хватит и на два диплома.

Возле головы Кафки я записываю небольшой видосик и сразу размещаю его в блоге. Она такая огромная. Как надо мыслить, чтобы такую штуку спроектировать и заставить работать? Наверное, родители Черны не говорили ему в детстве, что монстра из «Лего» и проволоки, склеенного папиным малярным скотчем, не стоит нести на конкурс школьных работ. Мама тогда побоялась, что меня отправят к психологу, потому что в руках чудища был разобранный пластмассовый пупсик. Ладно, чего там. Та-а-к... Добавим еще несколько фоток с разных ракурсов, селфи... И если снять вот так, то кажется, что я целую металлическую голову пря-

мо в губы.

Следующая станция — висящий Фрейд. Вот так в блог и напишем.

Блестящий, в прямом и в переносном смысле, психиатр глядит на всех сверху, над узенькой старинной улочкой Гусова. По легенде скульптуры, он висит над пропастью бессознательного, а значит, немного настроим фильтры перед съемкой — пусть будет помрачнее. Выбираем видео. Меняем ракурс... Отлично! Улочка теперь — воплощение темных глубин бессознательного, в которое даже страшно смотреть. Кто бы сказал, что ее можно увидеть таким образом в солнечный день, находясь среди дружелюбных прохожих и вдыхая аромат шоколада, доносящийся из двери напротив.

И все-таки что должно быть в голове у человека, который разместил висящую скульптуру на высоте третьего этажа? Хотя, чего там Фрейд. Этот Черны подвесил дохлого коня с Вацлавом на пузе к потолку дорогого торгового центра. Надо, кстати, туда тоже доехать и *отфоткать* все. Если правительство разрешает этот кринж в городе, то почему на спецкурсе по арт-терапии *завернули* мой рисунок, где девочка шьет безобразного толстого тряпичного медведя, сидя на полу среди пустых бутылок и окурков возле такого же безобразного толстого отца? Темой конкурса объявили «Проблемы современных подростков»... Это, кажется, была последняя работа, которую я куда-то отправляла. Ой... Что-то нехорошо. Костя говорит, что мне «чернуху» нельзя, я впе-

чатлительная. Таблеток нет. Придется дышать по квадрату. Вдох — задержка — выдох — задержка... Еще разок. Вроде отпускает. О, там какая-то *čokoláda!* Какао! Рецепт профессора Люпина помогает мне безотказно, прямо как Гарри Поттеру. И это, кстати, тоже стоит заснять: пусть будет, типа, утренний кофе с Фрейдом... Меняем фильтр... Во! Совсем другая история: позитивно, жизнеутверждающе и сказочно, как и должно быть в Праге.

— Теперь — в галерею Футура, — записываю я новый кружочек в блоге. — Да, я планирую залезть на лестницу и заглянуть, — заговорщически подмигиваю своим подписчикам, — да-да, как бы неприлично это ни звучало... прямо в задницу.

Это вам, конечно, не скульптуры святых на Карловом мосту, но зато — идеальное продолжение диплома. Возьму такси. А обратно — пешком. Надо будет еще *отснять* гигантских младенцев на острове Кампа.

Начинаю снимать новый арт-объект из-за угла. Мне кажется, так будет лучше всего. Итак, вид со спины... Огромные, до второго этажа высотой белые ноги, расставленные на ширину плеч; тело, наклонившееся под девяносто градусов к стене, видно только до пояса... Если честно, не так уж это красиво. Как-то даже по-дурацки. Не могу понять, сколько ни смотрю, почему это называется «Подхалимство». Вот вроде читала, а смысл никак не укладывается в голове. Но нагнул Черны их эффектно и масштабно, что говорить. Ин-

тересно, как он не боится предлагать властям такое ставить в городе? Или они сами просят? Моих родителей когда-то вызывали к директору только за то, что я натолкала в скворечники палки с наклеенными на них бумажными ладошками. Ну, а что такого? Да, я загнула все пальцы, кроме среднего, у каждой руки. Но мне же было тринадцать. Почему розовым «средним пальцем» Черны высотой с трехэтажку на острове напротив резиденции правительства возят наслаждаться туристов, а мне пришлось из-за бумажных «факов», торчащих из скворечника, переходить в другую школу? Я поднимаюсь по лестнице, приставленной между ног скульптуры, к той самой дырке, через которую Черны придумал показать сюжет о президенте Чехии. Надо снять все детали этого безобразия и уже заканчивать репортаж. Именно в это самое место я планирую засунуть свою голову в финале ролика. Так... Причесались, припудрили носик, и погнались.

Сюжет собирает такое количество лайков, как никакой другой о Праге. И руководитель диплома тоже доволен. Пишет, что получилось современное искусство про современное искусство. Может, и так. Но меня не радуют ни лайки, ни похвалы. С каждым следующим изученным арт-объектом все больше раздражает наглость чешского скульптора. Почему ему можно?! Сердце опять начинает частить, я дышу и стараюсь идти максимально размеренно. Успокоительного нет. Придется справляться самой.

Пока пешком иду до парка Кампа, мысленно обещаю, что

как только закончу с младенцами, сделаю себе подарок — посижу в тамошнем кафе с пингвинами на перилах и возьму то, что захочу, сколько бы оно ни стоило. В конце концов, Костя отправил меня отдыхать и получать приятные впечатления. Вот и буду.

В весеннем парке у реки очень красиво. Солнце просвечивает сквозь молодую зеленую листву и приятно греет. Я обхожу живую изгородь возле памятника и словно врезаюсь в лицо одного из младенцев. Одни пишут, что эти малыши — протест Черны против абортов. Другие — что так скульптор представляет детей будущего. Но сейчас это все неважно. Я вижу, как на меня ползут черные герои антиутопий: бесполое, безликое, бесчувственное. Ужас, который на меня накатывает, трудно описать словами. Я не делаю никаких снимков. Почти бегом я направляюсь к кафе: если нет «Афобазола» — придется использовать алкоголь.

Чокнувшись пару раз бокалом красного с пингином возле перил кафе, я чувствую себя достаточно устойчиво, чтобы думать. Черны трогает меня за то, что я решила похоронить в себе еще в школе. Кому нужны страшные абсурдные картинки, которые рисует на последних страницах тетради девчонка с вечно обгрызенными ногтями? Не-е-е-т. «Я выйду замуж, рожу Косте детей, буду водить их на всякие кружки и делать с ними уроки», — говорю я желтому пингвину и закутываюсь в плед. С третьим бокалом меня начинает клонить в сон.

Пожалуй, надо вернуться к этим скульптурам и все же разобраться, почему они называются «Подхалимство». Несколько минут в такси, и вот я стою на лестнице. Никогда не думала, что буду искать ответ в том месте, в которое планирую заглянуть еще раз. Но сейчас мне просто необходимо разобраться, зачем этот сумасшедший скульптор создал все именно в такой форме. Критики пишут, что Черны хотел показать продажность и глупость чешских политиков. Но я абсолютно уверена — художник имел в виду другое.

По тонким ступеням приставной лестницы снова поднимаюсь вдоль белых ног. И как героиня Кэрролла решилась шагнуть в кроличью нору, я тоже решаюсь. Сначала засовываю в черную дыру голову, а потом внезапно проваливаюсь туда целиком и начинаю падать — все как в старой доброй английской сказке. Только вот мне не так везет, как Алисе, полет мой длится недолго. Я падаю. И разбиваюсь вдребезги. Разлетаюсь на осколки зеркал, втыкающиеся в стены, по которым ползут черные младенцы со штрих-кодами вместо лиц. Под потолком перевернутый конь слизывает мои осколки со стен и пола, дотягиваясь до них вывалившимся языком, и подмигивает сидящему на его пузе Вацлаву. Зигмунд Фрейд висит на балке, торчащей из стены, неодобрительно качает головой, грозя мне средним пальцем свободной руки в розовой перчатке. «Вы хорошо себя чувствуете, дорогая? — спрашивает меня отливающий бронзой психиатр. — Не хотите ли чаю?» Я смотрю туда, куда показывает розовый

средний палец Фрейда, и понимаю, что такой стол я уже где-то видела.

«Конечно, видела, милая русская пани. — Давид Черны наливает мне в чашку чай: — Ты встречала „Банкет гигантов“ в обзоре моего творчества. И сейчас нам подадут главное блюдо». Черный младенец без лица поднимает над собой и задвигает на стол тарелку с отрезанной головой. И это не голова Конрада Генлейна, командовавшего нацистской оккупацией Праги, а голова моей классной руководительницы. «Это не лезет ни в какие ворота, Васильева, тебе нужно к психиатру!» — кричит она так, что со стола разлетается стопка салфеток, и я вижу свои рисунки. Начирканные черной ручкой чаши из черепов, обвитых змеями, унылые пейзажи. Вампиры. Склизкие монстры. Несколько секунд — и пачка дарк-артов валяется по всей комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.